Михаил ЛЕРМОНТОВ

ПРЕДСКАЗАНИЕ

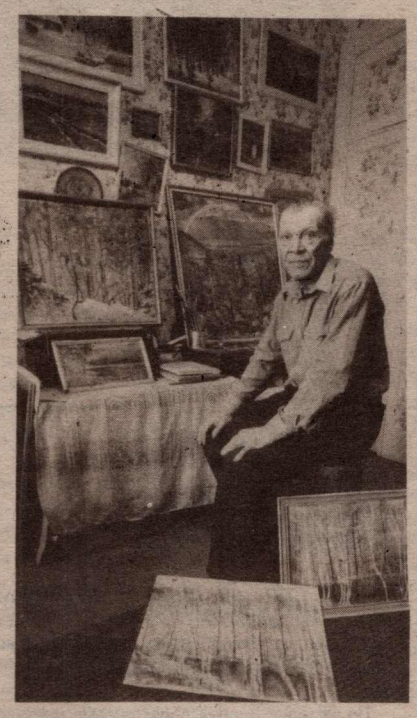
Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не пощадит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож:
И горе для тебя! — твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет все ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.

1830 год

Наум КОРЖАВИН

Наш путь смешон вам? — Думайте о нем.
Да, путались!.. Да, с самого начала.
И да — в трех соснах. Только под огнем.
Потом и сосен никаких не стало.
Да, путались. И с каждым днем смешней,
Зачем, не зная, все на приступ лезли.
... И в пнях от сосен. И в следах от пней.
И в памяти — когда следы исчезли.
Ах, сколько смеху было — и не раз, —
Надежд напрасных, вдохновений постных,
Пока открыли мы — для вас! для вас! —
Как глупо и смешно блуждать в трех соснах.

«Доменный профессор»



— Пойдемте ко мне в мастерскую. Я вам там свои работы покажу. — И пока мы идем через прихожую, зал, по коридору вглубь квартиры, хозяин показывает на стены: — Это вот на Банном озере я рисовал; это — одно местечко в Башкирии; это ...

На картинах и акварелях застыли мгновения. Предгрозовые и залитые солнцем, прозрачные, как друзы уральского хрусталя, и чуть подернутые дымкой холодных утренников в горах. Говорят, писал он когда-то и огненные реки идущего из летки металла, на которые вблизи можно смотреть только через задымленные стекла. Возможно, что-то из этих акварелей хранится в папках, которыми забиты в мастерской все мыслимые и немыслимые полочки — на стенах не хватает места.

"Мастерской" в этой квартире называется обычная жилая комната. Не положены Константину Филлиповичу ни особняк, ни дополнительные площади под увлечение. Живопись в его жизни — занятие не основное, а так, "для души". Ну а на душу у нас во все времена расход был не велик. Наоборот, еще и отнять норовили.

— Я только на свои партвзносы мог бы несколько домов купить, — Константин Филиппович говорит об этом как-то между прочим, — а мне, кроме дома в саду три на четыре, больше было не положено.

Тогда ему полагалась трехкомнатная квартира на шестерых и слава мастера Хабарова. Имя его когда-то считалось одним из символов славы Магнитогорского металлургического (если, вообще, имена можно превращать в символы). В 1965-м в Индий он каким-то "своим" методом "раскозлил" домну. Иностранцы "заломили" тогда на ликвидацию этой серьезной аварии год. Хабарову с доменщиками-магнитогорцами хватило на все пары недель... Потом он считался незаменимым там, где другие искали и не могли найти выхода. О нем писали газеты, его приглашали на радио и телевидение. И слава его была не показной, хоть и носила характер официальщины.

Наверное, это все-таки от Бога — умение чувствовать душу металла. Правда, утверждает мастер, что, не встреться ему на пути такой начальник цеха, каким был Александр Филиппович Борисов, он, скорее всего, стал бы художником. Борисов покорил их всех, мальчишек военной поры, с 15 лет начавших отсчитывать шаги трудового пути. К тому времени они, правда, уже не считались юнцами. Но куда денешь то, что отняла война?..

А новый начальник, прибывший со стажировки в Америке, свободно переводил с английского и читал своим рабочим технику безопасности, учил нутром понимать производственные процессы.

— Мы на вид умели определить — хороший кокс или так себе, знали, что такое хорошая руда. Александр Филиппович разрешил нам, если работа сделана, читать на рабочем месте художественную литературу. Сам советовал, что читать, да еще, бывало, и проверял, что нам в память из книги запало. Нас тогда всех потянуло учиться. Когда в школе мастеров мы свои проекты защищали, председатель госкомиссии Носов сказал, что такие работы даже в солидных институтах редко делают.

Борисов был для них всем. Не по указке свыше, а по умению видеть в тяжелом физическом труде сотворение личности. Может, еще и по этому не уехал в 60-х годах, когда не раз предлагали, на Запад Константин Филиппович? Не только ведь партийная дисциплина удерживала тогда многих. Россия все-таки оставалась Россией, разлука с которой навсегда казалась тяжелейшей из мук.

— У нас, у русских мужиков, авторитета в Индии, Индонезии, Египте тогда было больше, чем у немцев и американцев. Умели мы работать на совесть. Нас в 60-м вызвали как-то в Руркела. Там наклонилась одна из печей. Строили тот завод немцы и фундамент плохо сложили — обратились к русским. Вот там я тогда и познакомился с германскими металлургами. Недавно приезжал внук одного из тех мастеров. Я с ним в подарок отправил четыре своих работы. Они мне в благодарность краски, бумагу и холсты, видите какие, прислали. А здесь приходится белила и кисти за бешеные деньги покупать...

Приходится. И то, если отыщешь что-то подходящее в магазинах. Рынок, о выгоде которого нам уже столько твердят, к сожалению, пока больше похож на барахолку, где, что отыщешь, то — твое, если же чего нет — не обессудь. А нет, например, валюты. Откуда она может взяться у честно отработавшего на благо Страны Советов металлурга? Да и понадобилась-то она недавно Константину Филипповичу, чтобы оплатить... пересылку собственных работ в Америку. Не тщеславия ради, нет. Американцы сами попросили. Несколько акварелей он подарил учительнице, которую принимала у себя его дочь (ну какая русская душа позволит гостю уехать без подарка?).

А в Америке акварели Хабарова очень понравились одной устроительнице выставок. Она обратилась к автору с просьбой. И вышла незадача: отправить акварели Константин Филиппович имел возможность только до Москвы. Дальше требовалась валюта, которой у него не было.

Помогли все те же немцы, с которыми подружился три десятка лет назад... Им Хабаров оказался ближе и родней. У нас же он по-прежнему покупает краски и кисти в салоне "Палитра" и боится одного — жизни не хватит для воплощения всех замыслов, которые у него есть.

Он пишет, как Айвазовский, в основном, по памяти:

— Вот видите — это пейзаж после дождя. А после него всегда радуга бывает на небе. Я и хочу ее написать. Не выходит почему-то пока... А это березы — тоже нужно закончить. Нравится мне предгрозовая природа. Может, это от насыщенности цветов, а может, и от красок доменного цеха. Мне живопись иногда в работе помогала разобраться. Знаете, как в красках природы нет ничего случайного, так же и в любой ситуации одного без другого быть не может.

За 48 с половиной лет работы "там" он стал бы, если не миллионером, то, во всяком случае, богачом. Но "там" не было бы ни берез, ни степных просторов, ни "уральской Швейцарии". "Там" не было бы русского человека — Константина Хабарова.

В 17 лет он получил свой первый орден — "Знак Почета". В 67, собирая внука в детский сад, он заворачивает для него в газету луковицу и чеснок — для профилактики гриппа в группе.

Все неожиданно потеряло логику объяснения. Поумневшие "дети" требуют от "отцов" вразумительного объяснения тех развала и хаоса, которые сотворили сами. Не их в том вина. Ради светлого будущего то поколение жертвовало многим.

Даже квартиру в центре города Хабарову дали когда-то не без "умысла": проспект Металлургов — прямая магистраль, чтобы в случае аварии без промедления прибыть на место. Так сколько же у нас таких Хабаровых приходится на полумиллионный город? Сто, двести тысяч? Или все-таки один на эти тысячи? Книги, фильмы, статьи — все отошло в прошлое. Сегодня Константину Филипповичу не берутся даже помочь восстановить начавшее вдруг падать зрение. Врач поликлиники, к которому он, наконец, с трудом попал на прием, сказал, что сделать ничего не сможет — время и нервные перегрузки берут свое. Хабаров врачу не поверил. Незрячий художник — это все равно, что человек, разучившийся дышать...

В 1946-м его приглашали в Москву учиться живописи. Но у него была "бронь", поэтому системы в обучении он так и не получил. Жизнь отдал комбинату. И даже любовь к красоте природы он объясняет особенно:

— Это, я считаю, от труда. Отсидишь двое суток в цехе, в этом грохоте и сумраке, так потом как выйдешь, как взглянешь на мир — к каждой травинке в тебе любовь просыпается. Люди — это люди. Я отдавал им себя полностью. Все им остается...

Березы и горные склоны, осенняя листва и встающая над рекой радуга — все останется людям. Еще им останется кедр, саженец которого Хабаров попросил у директора Белорецкого комбината за помощь в ликвидации тяжелой аварии несколько лет назад. Кедр прижился в его саду, и, может быть, станет лет через семьдесят могучим деревом. Он будет очищать своей кроной продымленный воздух. Просто так. Потому что таково его предназначение. Если только люди сумеют оценить это по достоинству...

В. ЗАСПИЧ

Весельчак Галли Матье с доберманом и в макинтоше

Оставить имя в истории всяк пытается на свой лад. Одни, подобно Герострату, сжигают святыни на земле. Другие, по примеру братьев Монгольфье или конструктора Цеппелина, поднимают в воздух аэростаты и дирижабли.

А мы, подчас, и не задумываемся, чье имя осталось в названии прекрасного цветка или модном покрое брюк. И очень даже зря. Помни мы об этом, может, почаще заботились бы о том, каким словом вспомнят о нас потомки.

Не станем особо останавливаться на многочисленных химических элементах, вроде менделевия, нобелия, резерфордия или гадолиния. Не многим все-таки приходится иметь с ними дело каждый день. А вот, скажем, доберманом-пинчером любой из нас может решить обзавестись хоть в следующие пять минут. И если вам любопытно, знайте, что эту породу собак-ищеек в 70-х годах прошлого века вывел немецкий собаковод Л. Доберман, за что потомки его любимцев и прославляют имя автора до сих пор.

Впрочем, память о своих изобретателях хранят блюда и соусы, конфеты и сласти и даже фасоны одежды. О генерале Реглане, лишившимся в бою руки, но зато имевшем превосходного портного, который придумал такой покрой рукава, что им заинтересовался модный свет, хоть краем уха, но вы, наверняка, слышали. Так же, как о другом генерале-французе Гастоне Галиффе, который лет сто назад ввел во французской кавалерии брюки нового образца. А слышали вы что-нибудь о шотландском химике Чарльзе Макинтоше? Ему довелось придумать лишь особую пропитку для ткани (кстати, ужасно "липучую" и непрактичную), из которой шили плащи, пользовавшиеся спросом. Предприятие химика, тем не менее, прогорело вскоре. Но имя свое Макинтош успел оставить в памяти поколений.

Вообще, человечество иногда ведет себя необъяснимо. Ну, подумайте сами, стоило русскому академику И. И. Георги вывести, однажды, новый сорт цветка, который именовали далией, как все 15 разновидностей этого похожего на многоконечную звезду растения стали называть георгином. Француженка Гортензия Лепот вывезла свой цветок из Индии, а миссионер Камелли — из Восточной Азии. Наверняка, Восток именовал их как-то по-своему, но европейцы оказались индивидуалистами.

Кстати, любите ли вы "играть словами", или каламбурить? Некий барон Калемберг занимался этим довольно часто при дворе не то французского, не то польского короля, где принято было изъясняться только по-французски. Но барон плохо владел языком и путал слова, а потому, в конце концов, прославился невольными двусмысленностями и остротами.

Еще меньше повезло в истории капитану Бойкоту, служившему управляющим одного из ирландских имений. Если над Калембергом весело смеялись, то своей жестокостью Бойкот довел арендаторов до того, что в 1880 г. они впервые применили по отношению к нему ту форму протеста, которая впоследствии получила его имя.

Имена далеких предков звучат и в "пасквиле", и в "силуэте", и в начинке "пралине", и в "пожарских" котлетах. А называя кого-нибудь "хулиганом", вы невольно вспоминаете фамилию семейки дебоширов, содержавших постоялый двор и терроризировавших округу. Если же, прочтя все это, кто-то из вас махнет рукой и скажет: "Талиматья!", возможно, вы очень польстите памяти одного модного французского врача Галли Матье. Он был настолько "нарасхват", что, не имея возможности навещать всех своих пациентов, рассылал им рецепты с остротами и каламбурами. И, говорят, многие поправлялись. Ведь слово не только увековечивает, но и лечит.

В. СЕРГИЕНКО